

Научная статья

УДК 821.161

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_160

О ПЕРСОНФИКАЦИИ ОБРАЗОВ ЛЕТА В КНИГЕ СТИХОВ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ»

Жэнь Шуби¹

Чжэцзянский университет¹
Ханчжоу, Китай

¹Аспирант Института иностранных языков,
ORCID ID: 0009-0008-9604-0563, тел.: (86) 19817860127, e-mail: 472350148@qq.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена интересом китайского литературоведения к раннему творчеству выдающегося русского поэта XX столетия Б.Л. Пастернака и недостаточной разработанностью вопросов об особенностях его индивидуального стиля. Цель статьи – рассмотреть персонифицированный характер летней образности в книге стихов Бориса Леонидовича Пастернака «Сестра моя – жизнь» (1922), оказавшейся знаковой в его творчестве. Мироощущение поэта передает его метод, в основе которого – сближение художественного и экзистенциального, синтез бытийного и повседневного; на одной плоскости располагаются представления о нерасчленимой целостности мира и эмоциональных глубинах человека. Антропоморфные образы летнего сада и дождя становятся значимыми компонентами поэтики, они формируют у лирического «я» представление о безграничности мира. Летняя образность способна выразить эмоциональный катарсис лирического субъекта и воплотить различные душевные состояния лирического героя. Доминирующая эмоция стихов, входящих в состав книги, – счастье. Анализ олицетворенных образов лета в ряде стихотворений позволяет сделать вывод об индивидуально-авторском начале в стиле Б.Л. Пастернака: у поэта смысл слова раскрывается только в контексте строфы или всего произведения в целом. Книга «Сестра моя – жизнь» выдвинула Бориса Пастернака в первые ряды русских поэтов XX в.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, «Сестра моя – жизнь», летняя образность, сад, дождь, олицетворение, мироощущение, синтез, счастье, стиль Пастернака.

Для цитирования: Жэнь Шуби. О персонификации образов лета в книге стихов Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 4. С. 160–166. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_160

Введение

Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) стал известным поэтом ещё в юности, его лирическое творчество берет свое начало в 1909–1910 гг. Он создал собственный поэтический мир. С точки зрения китайских ученых, Б.Л. Пастернак был признан одним из самых выдающихся российских поэтов [3, с. 316], являлся представителем Серебряного века, истинным продолжателем поэтического опыта этого периода [5, с. 72–73]; он великолепно владел искусством пейзажной лирики и считался одним из непревзойденных русских мастеров в этой области [10, с. 52].

Общеизвестно, что временам года принадлежит огромная роль в лирической поэзии Б.Л. Пастернака и многие из его стихотворений включают их прямые номинации. Лето занимает особое положение в его лирике, являясь одной из ключевых тем в творчестве поэта.

Сам Б.Л. Пастернак очень любил лето, поэтому им была создана книга стихов «Сестра моя – жизнь», в которой летняя образность особенно заметна. Писатель утверждает: «Я видел лето на земле, как бы не узнававшее себя, естественное и доисторическое, как в откровенье. Я оставил о нем книгу. В ней я выразил все, что можно узнать о революции самого небывалого и неуловимого» [6, с. 524]. М.Н. Эпштейн предполагает, что поэт любит «касания лета» тем прикосновением, которое является мимолетным, мгновенным проявлением, и рассматривает книгу стихов «Сестра моя – жизнь» в качестве «самой летней» [15, с. 184]. Как видим, «лето» и сам поэт тесно связаны через книгу. В монографии «Поэтика книги Бориса Пастернака “Сестра моя – жизнь”» [2] С.Н. Бройтман изучил текст в целом, детально проанализировал все стихотворения в аспекте метода и жанра. А в статье «“Летний текст” в книге стихов Б.Л. Пастер-

нака «Сестра моя – жизнь» Е.А. Подшивалова отмечает, что «образ лета в книге стихов по сути оказывается отражением психотипа самого биографического автора» [9, с. 931]. Китайский ученый У Ди, рассматривая тему природы в книге «Сестра моя – жизнь», изучил особенности совпадений между образами природы и человеческой души и отметил, что Б.Л. Пастернак использует пейзажную лирику как инструмент для раскрытия внутреннего мира героев [11, с. 86–90].

Обобщение типа летней образности, ее целостных характеристик в творчестве Б.Л. Пастернака позволит лучше понять индивидуальный стиль поэта. В данной статье на примере книги стихов «Сестра моя – жизнь» предлагается исследовать поэтические компоненты, составляющие образ лета, представить его экзистенциальное бытие и эмоциональную глубину, проанализировать природные атрибуты этого времени года и разобраться в характеристиках, присущих образу лета.

Результаты

Персонифицированные характеристики летних образов

В книге «Сестра моя – жизнь» Б.Л. Пастернак объединил множество образов лета: сад, дождь, звезды, небо. Мироощущение поэта передает его метод, в основе которого – сближение художественного и экзистенциального, синтез бытийного и повседневного; на одной плоскости располагаются представления о нерасчленимой целостности мира и эмоциональных глубинах человека. Прием синкретизма, который использует поэт, позволяет объединить разные образы в пейзажных зарисовках, превратив их в неотъемлемую часть летней символики. Образы природы в стихотворениях не существуют независимо – они постоянно проникают друг в друга, сохраняя при этом свое собственное значение и индивидуальность, тем не менее, «приращения смысла происходят и в каждом из образов» [2, с. 185]. В итоге переплетение различных пейзажей расширяет спектр летней символики, и в книге стихов это сочетание нескольких пейзажных зарисовок формирует новый летний образ, где на человека оказывает влияние не только природа сама по себе, но и её сезонные проявления: энергия природы воздействует на «я», и, в свою очередь, эмоции «я» влияют на состояние окружающего природного ландшафта. Эмоции лирического субъекта взаимодействуют со стихийными явлениями окружающей среды, и они переплетаются, отражаясь друг в друге, делая летнюю жизнь более насыщенной и ценной. Для лирического героя природа предстает не только в образе женского начала («она»), но и как «ты» – собеседник, с которым возникает поэтический диалог:

«Ты в ветре, веткой пробуящем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!» [7, с. 120].

Неподвижность природы также запечатлена поэтом и стала объектом его описания, например, «Тишина, ты – лучшее / Из всего, что слышал» [7, с. 130]. Здесь «ты» применяется не только к природе, но и к женщине, жизни, сердцу. В стихотворениях

летний пейзаж олицетворяется и обладает собственной душой, он свободен в выражении эмоций и желаний. Деревня окутана желтоватым светом звезд, а небосвод продолжает говорить:

«Июльской ночью слободы –
Чудно белокуры.
Небо в бездне поводов,
Чтоб набедокурить» [7, с. 130].

Сблизившиеся звезды устремились к горным полям, их присутствие наполнило воздух теплом и предчувствием страха:

«Когда еще звезды так низко росли
И полночь в бурьян окунало,
Пылал и пугался намокший услин,
Льнул, жался и жаждал финала?» [7, с. 141].

Лодка покоится безмятежно, ветви ивы поникли низко и нежно соприкасаются, создавая волшебный образ:

«Лодка колотится в сонной груди,
Ивы навязли, целуют в ключицы,
В локти, в уключины – о погоди,
Это ведь может со всяким случиться!» [7, с. 127].

Такие сцены пейзажа наполняют лето жизненной силой и энергией. Каждая звезда, каждое дерево, каждое облако оживают летом, дышат, размышляют, испытывают разнообразные чувства, их присутствие ощущается повсюду в природе – на кустах, на заборах. Эмоции и мысли, присущие этим сценам, непрерывно движутся, погружены в процесс интимного переживания жизни. Для поэта безусловна духовность всего сущего, духовность развивается в соответствии с законами человеческого бытия, а природа – всего лишь выражение жизни. В результате олицетворенные летние пейзажи, представленные в книге, спокойно вписываются в повседневную жизнь, а природные ландшафты органично сочетаются с жизнью человека.

Помимо изображений звезд, деревьев и облаков, в поэтическом тексте присутствуют описания сада и дождя. М.Н. Эпштейн отмечает: «Пастернак <...> после Лермонтова – самый летний русский поэт, остро воспринимавший прелесть тепла, дождя, сада...» [15, с. 184]. В.С. Франк замечает: «У каждого подлинного поэта есть свой элемент – снежная вьюга у Блока, земля у Есенина, ночь у Тютчева. Родной элемент Пастернака – текущая вода, чаще всего – дождь» [13, с. 72]. Как видно, дождь и сад занимают центральное место в композиции летних образов. Сад выступает как пространство, где разворачиваются летние картины природы, а дождь и гроза – как эмоциональные символы лета – присутствуют над всем летним временем. Антропоморфные образы летнего сада и дождя становятся значимыми компонентами поэтики, они формируют у лирического «я» представление о безграничности мира.

В книге сад фигурирует в нескольких стихотворениях, таких как «Плачущий сад», «Зеркало», «Девочка», «Ты в ветре, веткой пробуящем», «Душная ночь», а дождь либо является основной темой стихотворений, либо фоном, на котором он изображается, в произведениях «Дождь», «Болезни земли», «Наша гроза», «Душная ночь», «Гроза, моментальная навек».

В книге стихов летние образы делают всю природу яркой и уникальной. Они помогают установить необходимую связь между Вселенной и человеком, благодаря чему происходит общение между ними. Однако по мере возрастания энергии лета меняется характер пейзажей садов и дождя – от спокойного до эксцентричного. Образы сада и дождя остаются провокационными и разрушительными, что в конечном итоге размывает границы между природой и человеком. В книге лето всегда полно энергии и активности, оно принимает антропоморфные черты, но сам поэт, по утверждению китайского исследователя, испытывает ужас перед волшебными метаморфозами летних образов. В поэтической картине лето обладает собственной неукротимой энергией, которая непрерывно вырывается наружу. Оно глубоко занято своими эмоциями, всегда шалит и непоследовательно действует. Его провокационное поведение постепенно приобретает радикальный оттенок, и даже ночь не может получить ни малейшего признака покоя и умиротворения. Раньше летние звезды «блещут, дышат радостью» [7, с. 130], они «обдают сиянием» [7, с. 130], но теперь, в этом безмолвном ночном небе, «У звезд немой и жаркий спор» [7, с. 139], звезды постоянно переспрашивают и устраивают самые разные игры:

«Рассказали страшное,
Дали точный адрес,
Отпирают, спрашивают,
Движутся, как в театре» [7, с. 130].

Мерцающие звезды даже стали правителями степи:

«И таянье Андов вольет в поцелуй,
И утро в степи, под владычеством
Пылящихся звезд, когда ночь по селу
Белеющим блянем тычется» [7, с. 156].

Разгар лета расколотит душу лирического героя, а его сознание тревожат знаки того, что «в высях мысли сбились в белый кипень» [7, с. 137]. В конечном итоге обнажается природа прохладного лета: «Черных имен духоты / Не исчерпать» [7, с. 151].

«Это – круглое лето, горев в ярлыках
По прудам, как багаж солнцепеком заляпанных,
Сургучом опечатало грудь бурлака
И сожгло ваши платья и шляпы» [7, с. 160–161].

Лето столь наполнено энергией, что постоянно влечет за собой несущуюся боль: луга преобразуются, меняя свои краски, пруды и водоемы остаются холодными и неотступными, а хутора часто появляются в ночных снах, активизируя тем самым всю мощь летней энергии. В книге стихов «все захвачено силой жизни, напором жизни» [4, с. 324]. Через сезонные формы эта энергия освобождается во всех ее измерениях с абсолютной креативностью.

В художественном мире, который описывает Б.Л. Пастернак, образы лета оживают под пером поэта. Это придает всему летнему сезону радостный оттенок. Доминирующая эмоция стихов, входящих в состав книги, – счастье. Но вместе с неистовой энергией лета время становится импульсивным и необузданным. Лето начинает проявляться в мире природы и человеческого общества, даже предлагая провокационные модели поведения. Среди персонифицированных образов лета поэт особо выделяет сад и

дождь. Сад становится местом существования множества летних пейзажей, а дождь – носителем эмоционального катарсиса образов лета. Вместе сад и дождь составляют важную часть летней символики.

Сад – пространственный носитель летних образов

В книге стихов «Сестра моя – жизнь» отчетливо прослеживается летняя образность, которая, хотя и абстрактна в своей сути, всё же выражается с помощью предметов и явлений объективной реальности. Из множества образов здесь выделяется сад, являющийся одним из типичных локусов и важным носителем летней символики. В пространстве города сад выступает как своего рода «природное пространство», доступное для летнего времяпрепровождения. Персонификация летней образности проявляется наиболее ярко в самом существовании сада и предметах, которые его населяют. Эти элементы придают жизнь летней атмосфере, создавая аутентичные визуальные и эмоциональные образы, в которых полнее всего ощущается лето.

Пространство сада оставляет свой след на окружающих предметах. Объективно сад выступает в качестве источника летней символики, становясь ключевым элементом этого сезона. Прочтение поэтического текста показывает, что лето создает множество звуков и ароматов, наполняющих сад, и придает ему характерное летнее настроение: это и «Ни признака зги, кроме жутких / Глотков и плескания в шлепанцах / И вздохов и слез в промежутке» [7, с. 118], и «Шуршит вода по ушам, и, чирикнув, / На цыпочках скачет чиж» [7, с. 119]; сад также наполнен различными ароматами: ароматы ритуальных нитей, запахи веществ, оказывающих гипнотическое воздействие, нотки затхлости и многие другие. Видно, что в летнем саду отсутствует строгий порядок, и, скорее, в нем присутствует «хаос». Важно отметить, что «хаос» здесь не означает разрушение или смерть, а скорее символизирует жизнотворчество и подготовку к рождению нового мира. Таким образом, сад обволакивает хаосом окружающее, а его хаотическая образность эквивалентна «разливу» жизни, ее свободе» [1, с. 336]. Между летом, которое не сковано никакими рамками и свободно проникает в жилище человека, разрушаются грани, открывая большее поле для создания летних образов. Даже зеркала между окнами сада и зала постоянно перекликаются, отражаются друг в друге, и в стихотворении «Зеркало» становится все более очевидным это вторжение в чужие границы, в чужое пространство:

«В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль, и – прямой
Дорожкой в сад, в бурелом и хаос
К качелям бежит трюмо.

Огромный сад тормозится в зале
В трюмо – и не бьет стекла!
Казалось бы, всё коллодий залил,
С комода до шума в стволах.

Огромный сад тормозится в зале,
Подносит к трюмо кулак,
Бежит на качели, ловит, салит,
Трясет – и не бьет стекла!» [7, с. 119].

Антропоморфный, персонифицированный образ сада постоянно расширяется и усложняется. Он не только «не бьет стекла», указывая на все возрастающую самостоятельность и активность, но и свидетельствует о вечной игривости сада-ребенка.

Динамизм сада приводит к росту его ветвей, которые начинают нарушать границы между объектами, разрастаясь до размеров самого сада.

«Сад застлан, пропал за ее беспорядком,
За бьющей в лицо кутерьмой.

Родная, громадная, с сад, а характером –
Сестра! Второе трюмо!» [7, с. 119].

Здесь зеркало уже не просто выполняет функцию отражения, как обычно, а ветви проникают прямо в него. В этом огромном пространстве ветви растут без ограничений, постепенно покрывая сад и в конечном итоге сливаются с ним в единое целое. Они меняют названия: «близкая» становится «родной», а затем «сестрой». Даже название цветущей ветки, которая превращается в девочку, олицетворяет жизнь поэта и подчеркивает динамическое изменение отношения лирического героя к ветке и их сближение. Более того, поведение сада разрушает разделение между природой и человеком, соединяя эти два пространства:

«Но вот эту ветку вносят в рюмку
И ставят к раме трюмо» [7, с. 119].

Ветки, которые растут в саду, становятся украшением дома, закидываются в винные бокалы, висят на оконных рамах, и в результате они гармонично переплетаются друг с другом. Летний сад здесь становится символом единства, где все взаимосвязано, человек и природа тесно переплетаются, создавая гармоничный образ «жизни». Можно сказать, что разнообразные пейзажные зарисовки в этом летнем пространстве органично соединились, образуя неповторимое единство, и получившаяся «жизнь» – это синтез всех различных элементов. Поэт здесь подчеркивает нераздельную целостность и неделимость мира.

Благодаря своей связующей роли сад объединяет пространство, в котором живет лирический герой, и пространство лирического субъекта, в котором разворачиваются образы лета. Сад становится общим пространством, созданным взаимодействием человека и природы. Он приобретает самостоятельность и постепенно начинает вытеснять человека, доминировать над ним.

В стихотворении «Плачущий сад» поэт подробно описывает душевное состояние сада. Лирический субъект, обозначенный «я», наблюдает за садом и внимательно слушает окружающие звуки, в то время как сад, полностью погруженный в свои эмоции, не замечает происходящих вокруг изменений. В этой строфе сад сплетается с эмоциями лирического субъекта, а роль свидетеля, наблюдающего за душевным состоянием сада, объединяет один образ с другим. «Я» не пытается вмешаться в сад, а взаимодействует с ним, выступая в качестве главного героя событий:

«К губам поднесу и прислушаюсь,
Все я ли один на свете, –
Готовый навзрыд при случае, –
Или есть свидетель» [7, с. 117].

Сад в стихотворении становится человеческим. Однако на данный момент сад, кажется, безразличен к объекту «я» и к тому, что не «я – про сад», а «сад про меня» [8, с. 2]. Объект (сад) и субъект («я») в этом стихотворении меняются местами. По сравнению с субъективной позицией сада, «я» становится объектом, и, наблюдая эмоциональное состояние «плачущего» сада, все больше погружается в чувства сада, утрачивая свою самостоятельность. При наблюдении за эмоциональным состоянием «плачущего» сада, «я» все больше ощущает себя пленником эмоций сада.

В дальнейшем, с распространением энергии лета, сад постепенно проявляет необычные поведенческие черты, даже проникает в пространство человека и постепенно захватывает его. В стихотворении «Душная ночь» образ сада начинает наделяться призрачными атрибутами:

«Я чувствовал, он будет вечен,
Ужасный, говорящий сад.

Еще я с улицы за речью
Кустов и ставней – не замечен;

Заметят – некуда назад:
Навек, навек заговорят» [7, с. 142].

Теперь сад обладает способностью прямо общаться и спорить с «я», и в этой схватке между садом и человеком лирический субъект оказывается на проигрышной стороне, даже пытается временно укрыться. Агрессивность сада вынуждает «я» сдерживать свою речь и поведение, а также испытывать ужасные ощущения. В итоге сад приобретает вечность: Они «навек, навек заговорят» [7, с. 142].

Видно, что сад, как место летней символической активности, не только окружает природный ландшафт, но также служит пространственной связью между природой и человеком, гармонично объединяя их. Сначала он соединяется с человеком, затем постепенно проникает в него и, в конечном итоге, полностью «захватывает» его. Кроме того, сад и перспектива лирического героя непрерывно меняются местами, что приводит к изменению ролей субъекта и объекта. В итоге не только расширяется пространство существования летних символов, но и разрушаются границы между природной средой, пространством семьи и межличностными отношениями, реализуя взаимодействие вымышленного образа и реальности. Летняя символика во многом представлена через физический ландшафт сада. Качества и характер сада отражаются в его действиях, языке и психологии садовых элементов. Таким образом, сад расширяет пространственные рамки летней активности.

Дождь – эмоциональный носитель летних образов

В книге «Сестра моя – жизнь» при описании лета Пастернак изображает дождь то радостным, то сердитым, то тихим, то яростным, и эмоциональная выразительность образов лета заключается в катарсисе различных эмоций, которые притесняются дождем, будто просачиваются через него. Дождь и гроза в своем качестве носителей эмоционально-символического спектра лета демонстрируют большую энергию жизни и творческую силу. Марина Цветаева считает, что в поэзии присутствует светлый дождь, и она

даже написала комментарий под названием «Световой ливень»: «Свет. Вечная Мужественность. – Свет в пространстве, свет в движении, световые прорезы (сквозняки), световые взрывы, – какие-то световые пиршества» [14, с. 497].

Первое представление о лете читатель получает через «дождь», который является в виде мельчайших «капель», похожих на «круги». Капли дождя, стекающие как идентичные копии круга, символизируют полноту и единство всего сущего. В коллекции художественных образов лета они пронизывают всё и входят в мир в разных формах, вызывая различные эмоции.

Летний дождь иногда сопровождается приглушенностью, проявляя редкую мягкость и спокойствие. В эти моменты, когда всё вокруг замолкает, дождь бесшумно стекает, спускаясь вниз:

«В пустынности удостоверюсь,
Берется за старое – скатывается
По кровле, за желоб и через» [7, с. 117].

В стихотворении «Душная ночь» капли дождя также олицетворяются как «косые капли» [7, с. 141] и производят особенно нежное впечатление. «Дождик кутал / Ниву тихой переступью» [7, с. 152], он обвивал поля и мгновенно превращал мир во влажный. Звук падающего дождя наполняет весь летний день, и даже листья желают сопровождать его. Деревья также мечтают выбраться на луг вместе с дождем.

Летние дожди создают свои моменты, полные радости или грусти, как например, в стихотворении «Душистой веткою машучи.....»:

«На чашечку с чашечки скатываясь,
Скользнула по двум, – и в обеих
Огромною каплей агатовою
Повисла, сверкает, родеет.

Пусть ветер, по таволге веющий,
Ту капельку мучит и плющит.
Цела, не дробится, – их две еще
Целующихся и пьющих» [7, с. 127].

Капли волнуются, игриво смеются и перекачываются друг по другу. Они встречают лето, готовые ко всему, и, несмотря на сильные порывы ветра, эти капли не лопаются и не сжимаются. Они даже смеются, стараясь вырваться из объятий ветра и «выпрямиться, как прежде» [7, с. 127]. А когда дождь огорчен, он даже «давится внятно от тяжести / Отеков – земля ноздревая» [7, с. 117].

Однако в большей части стихотворения дождь проявляется крайне непостоянным и гневным, он вызывает чувство страха во всем окружающем его. Нежные мелкие дожди превращаются в ужасные капли, которые постоянно вторгаются во все вокруг:

«Она со мной. Наигрывай,
Лей, смейся, сумрак рви!» [7, с. 120].

Темные облака наступают с невероятной поспешностью, и, когда дождь внезапно проливается, он подобен священнику, который оmyвает светло-лиловые сирени и «сжигает» их своим дождем, а малиновый клевер даже пьет из полных ведер. По мере постепенного нахождения дождя весь мир окутывается его присутствием и покрывается его каплями:

«– Ночь в полдень, ливень – гребень ей!

На щебне, взмок – возьми!

И – целыми деревьями

В глаза, в виски, в жасмин!» [7, с. 121].

Кроме того, летние дожди порой приобретают силу, сопровождаясь громом и молниями. Первая летняя гроза происходит в стихотворении «Болезни земли», которое находится в середине книги. С тех пор грозы встречаются часто: «Наша гроза», «Mein liebchen, was willst du noch mehr?», «Душная ночь», «Мучкап», «Как усыпительна жизнь!», «Гроза, ментальная навек» и др. Летние «грозы» наполнены воображением и абстракцией, и хотя они проходят быстро, но оставляют за собой яркие моменты:

«Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром» [7, с. 155].

Гроза подобна художнику с бурной фантазией, который ночью фотографирует, освещает и изображает природу; она перестраивает, оживляет мир и даже способна проникнуть вглубь человеческого сознания. Можно сказать, что образ дождя – это «почти по-человечески» расчлененная жизнь, «так непосредственно связана с самим человеком» [13, с. 73], а дождь, падающий с небес, и гроза являются самыми естественными проявлениями жизни. Однако неоспоримо, что летняя гроза налетает неожиданно, молния рассекает небосвод, гремит гром, и, кажется, что гроза способна разрушить всё – но она так же быстро заканчивается, как началась.

«Может молния ударить, –
Вспыхнет мокрою каabinкой.
Или всех щенят раздарят.
Дождь крыло пробьет дробинкой» [7, с. 137].

Очаги, пораженные молнией, разгорались, капли дождя беспощадно проникали сквозь стены, столь суровые, что кажется, «нашу родину буря сожгла» [7, с. 132]. Вся ночь казалась невероятно знойной, а накануне грозы природа становилась безмолвной до такой степени, что даже трава не колебалась. Но пока шел скудный дождь, все вокруг утрачивало очертания «в вуали» влаги:

«Селенье не ждало целенья,
Был мак, как обморок, глубок,
И рожь горела в воспаление,
И в лихорадке бредил Бог» [7, с. 141].

Деревья погружаются в бессилие от болезни, маки увядают от зноя, у ржи яркое пламя воспаления, и даже Бог, будучи больным лихорадкой, представляет в бреду нездоровую картину, отражающую эту летнюю образность. Как отметил Е. Фарино, «грозы – столпотворенье от избытка жизненных сил, жизненной энергии и сильнейший их разряд» [12, с. 298]. Лето следует своей внутренней воле, постоянно диктует свои правила, и его мыслящий характер становится «диким», и оно находится именно «в сушь и в гром, / пред грозой, в июле, – знаю» [7, с. 145], где менее настроение окончательно проявляется через дожди и грозы.

Можно сказать, что дождь, как язык природы, связывает бесконечное пространство между небом и землей. Поэт использует дождь и грозу – мощные природные явления – для выражения множества настроений, характерных для переменчивого лета, подчеркивая его бесконечную живость и волнующую

энергию. С одной стороны, эмоции дождя, будь то спокойствие, радость, грусть, раздражение или ярость грозы, являются эмоциональным проявлением самой сущности летнего периода. С другой стороны, непредсказуемость осадков и величественность громов ярко выражают огромную силу и креативность лета. Катарсис, приносимый такими эмоциями, является характерной чертой летней образности.

Выводы

Итак, книга стихов «Сестра моя – жизнь» наполнена непревзойденной энергией, силой жизни и оптимизмом. Летние пейзажные зарисовки, описанные в книге, воплощают самобытное напряжение: органическое сочетание садов, дождя, грозы и других природных элементов подчеркивает динамический характер этого напряжения. Вместе с пейзажными зарисовками сад также выполняет функцию места для летних занятий, представляя не только природные ландшафты, но и тонкую связь с человеческим обществом, размывая грани между ними и расширяя сферу летних занятий. Дождь и гроза пронизывают

всё лето, наполняя его разными настроениями, что становится выходом для эмоционального катарсиса летних образов и показывает безграничную силу творчества этого времени года. Эти природные явления идеально воплощают летнюю жизненную энергию и креативность. Их творческое сочетание не только подчеркивает живописный характер летних образов, но и представляет индивидуальный стиль Пастернака: у автора смысл слова раскрывается только в контексте строфы или всего произведения в целом. Книга стихов «Сестра моя – жизнь» выдвинула Бориса Пастернака в первые ряды русских поэтов XX в.

Источник финансирования

Исследование проводится при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР (грант № 202106320001).

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Советский писатель, 1990. 366 с.
2. Бройтман С.Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». М.: Прогресс-традиция, 2007. 608 с.
3. Всемирная библиотека поэзии / под ред. Фэй Бай, У Ди. Т. 5. Гуанчжоу: Хуачэн, 1994. 714 с. (на китайском языке).
4. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 414 с.
5. Лю Вэньфэй. Пастернак: жизнь и творчество // Пограничная литература. 2020. № 7. С. 67–85. (на китайском языке).
6. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. М.: Слово, 2004. Т. 3: Проза. 632 с.
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. М.: Слово, 2003. Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1912–1931. 576 с.
8. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. М.-Л.: Советский писатель, 1965. 732 с.
9. Подшивалова Е.А. «Летний текст» в книге стихов Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Вып. 6 (27). С. 931–935.
10. У Ди. Гуманизм и экологическое сознание: исследование образов природы в китайской и западной поэзии. Ханчжоу : Чжэцзянский университет, 2004. 136 с. (на китайском языке).
11. У Ди. О пейзажной лирике Пастернака // Изучение зарубежной литературы. 2003. № 2. С. 86–90. (на китайском языке).
12. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
13. Франк В.С. Водяной знак: Поэтическое мировоззрение Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 72–74.
14. Цветаева М.И. Избранные сочинения : в 2 т. М.: Литература, 1998. Т. 2: Автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. 653 с.
15. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 302 с.

References

1. Al'fonsov, V.N. (1990) *Poeziya Borisa Pasternaka* [Poetry by Boris Pasternak]. Leningrad, Sovetskii pisatel' publ. 366p. (In Russian)
2. Broitman, S.N. (2007) *Poetika knigi Borisa Pasternaka «Sestra moya – zhizn'»* [Poetics of Boris Pasternak's book "My Sister – Life"]. Moscow, Progress-traditsiya publ. 608p. (In Russian)
3. Fei, Bai, Wu, Di (eds.) (1994) *Bibliotheca Mvndi Poetica (Vol. 5)*. Guangzhou, Flower City Publishing House. 714 p. (In Chinese)
4. Ginzburg, L.Ya. (1997) *O lirike* [About lyrics]. Moscow, Intrada publ. 414 p. (In Russian)
5. Liu, Wenfei. (2020) Pasternak : Life and Creation. *Frontier literature*. (7), 67–85. (In Chinese)
6. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami : v 11 t. T. 3* [Complete works with appendices : in 11 vols. Vol. 3]. Moscow, Slovo publ. 632 p. (In Russian)
7. Pasternak, B.L. (2003) *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami: v 11 t. T. 1* [Complete works with appendices: in 11 vols. Vol. 1]. Moscow, Slovo publ. 576 p. (In Russian)

8. Pasternak, B.L. (1965) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Moscow-Lenigrad, Sovetskii pisatel' publ. 732p. (In Russian)
9. Podshivalova, E.A. (2017) «Letnii tekst» v knige stikhov B. Pasternaka «Sestra moya – zhizn'» [“Summer text” in B. Pasternak's book of poems “My sister – life”]. *Bulletin of Udmurt University. Series history and philology*. 6 (27), 931–935. (In Russian)
10. Wu, Di. (2004) *The Humanist Spirit and the Ecological Consciousness Studies in the Natural Imagery of Chinese and Western Poetry*. Zhejiang University. 136 p. (In Chinese)
11. Wu, Di. (2003) On the Scenery Lyrics of Boris Pasternak. *Studies in Foreign Literature*. (2), 86–90. (In Chinese)
12. Farino, E. (2004) *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. St. Petersburg, Publishing house Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 639 p. (In Russian)
13. Frank, V.S. (1990) Vodyanoi znak: Poeticheskoe mirovozzrenie Pasternaka [Watermark: Pasternak's poetic worldview]. *Literary review*. (2), 72–74. (In Russian)
14. Tsvetaeva, M.I. (1998) *Izbrannye sochineniya: v 2 t. T. 2* [Complete works with appendices: in 2 vols. Vol. 2.]. Moscow, Literatura publ. 653 p. (In Russian)
15. Epshtein, M.N. (1990) *Priroda, mir, tainik vselennoi...: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [Nature, the world, the cache of the universe...: The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola publ. 302 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.11.2023

Подписана в печать 28.12.2023

Original article

UDC 821.161

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_160

ON THE PERSONIFICATION OF THE SUMMER IMAGE IN PASTERNAK'S BOOK OF POEMS MY SISTER – LIFE

Ren Shubi¹

Zhejiang University¹
Hangzhou, China

¹Postgraduate Student of the School of International Studies,

ORCID ID: 0009-0008-9604-0563, tel.: (86) 19817860127, e-mail: 472350148@qq.com

Abstract. The paper explores the significance of summer imagery in Boris Leonidovich Pasternak's book of poems *My Sister – Life* (1922), which is considered a pivotal work in his career and holds great importance in the field of Chinese literary studies. The paper aims to analyze the anthropomorphic portrayal of a summer garden and rain, which play a central role in conveying the poet's worldview and method. Pasternak's literary approach combines artistic and existential elements, blending the mundane with the profound, while emphasizing the interconnectedness of the world and the depths of human emotions. Through the personification of summer imagery, the poems in the book express the lyrical subject's emotional catharsis and depict various mental states of the protagonist. Overall, happiness emerges as the prevailing emotion in the collection. By examining these personified summer images across multiple poems, the article concludes that Pasternak's style is characterized by an individual-authorial approach, where the meaning of a word is revealed within the context of a stanza or the entire work. *My Sister – Life* firmly established Boris Pasternak as one of the foremost Russian poets of the twentieth century.

Keywords: B.L. Pasternak, *My Sister – Life*, Summer imagery, garden, rain, personification, worldview, combines, happiness, Pasternak's style.

Cite as: Ren, Shubi (2023) On the personification of the summer image in Pasternak's book of poems *My Sister – Life*. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (4), 160–166. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_160

Received 20.10.2023

Accepted 28.12.2023